

Диалог и Духовност

I

Сборник в чест на Румяна Златанова
Festschrift für Rumjana Zlatanova
zum 60. Geburtstag

Съставител
Спартак Паскалевски

ТЕМТО
София 2006

Ростислав Станков
София

О критериях локализации древних славянских переводов с греческого

В науке хорошо известен тот факт, что византийская культура оказала исключительное влияние на формирование древнеболгарской письменности. Это обстоятельство обусловило преимущественно переводной характер последней. Обобщение процессов адаптации и рецепции византийской культуры на славянской почве можно найти в трудах Ф. Томсона (1978, 1983, 1988/1989, 1993, 1995, 1999). В трудах А. И. Соболевского (1897, 1910, 1980) и В. М. Истрина (1920, 1922, 1930) в русской научной традиции было положено начало тенденции к присвоению ряда древних переводов с греческого. В последние годы эту тенденцию продолжают А. М. Молдован (1993, 1994а, 1994б, 1996, 1997, 2000, 2003), А. А. Пичхадзе (1998, 2002) и К. А. Максимович (1998а, 1998б, 2001, 2004). Нам не раз приходилось комментировать некорректность и тенденциозность русских авторов при интерпретации языкового материала древних славянских переводов с греческого (Станков 1989, 1994а, 1994б, 2002а, 2002б, 2003а, 2004а, 2004б, 2004в, 2005).

Самыми спорными являются болгарские переводы, которые не сохранились в болгарской рукописной традиции. При анализе подобных переводов особенно важно иметь в виду то обстоятельство, что в тексте сохранившихся списков возможно переплетение фактов разных веков и языков:

с одной стороны, древнеболгарского языка, так как перевод сделан на этом языке, и, с другой стороны, древнесербского или древнерусского, так как перевод распространялся в древнесербских или древнерусских списках. Для решения этой проблемы необходим комплексный подход, сочетающий принципы сравнительно-исторического и лингвотекстологического методов. Прежде всего, как это не раз отмечалось в литературе, нужно хорошо изучить рукописную традицию переводного текста. Необходимо также:

1. определить характерные особенности языка текста по известным спискам и выделить напластования в области орфографии, отражающие фонетические и морфологические особенности разных периодов бытования перевода;

2. определить особенности синтаксиса (здесь мы не говорим о напластованиях, так как в тексте перевода именно синтаксис остается относительно наиболее устойчивым уровнем языка;

3. на основе предыдущих пунктов определить соотношение языковых особенностей во времени, т.е. определить стратиграфию языковых пластов в списках перевода;

4. определить особенности словарного состава перевода, включая и лексические напластования.

Все это позволит в общем локализовать перевод: в Болгарии, Сербии, Руси. Локализация перевода в рамках одной отдельной страны (заметим при этом, что переводческая традиция для Сербии и Руси остается все же сомнительной) представляет собой отдельную проблему, которой здесь мы не будем касаться особо.

В области орфографии, отражающей определенные фонетические особенности, существенны такие явления, которые могут быть определены как первичные в отношении данного переводного текста или, по крайней мере, как более древние в отношении какой-то группы списков. Явления, отражающие характерные особенности древнеболгар-

ской фонетичной системы, по большей части следует рассматривать как первичные. Некоторые болгарские фонетические особенности могут быть вторичными по отношению к явлениям древнеболгарского языка, но более древними по отношению к особенностям какой-то группы древнерусских списков. Приведем примеры из раннего славянского перевода *Хроники* Георгия Амартола (ХГА¹):

¹ Здесь и далее славянский текст цитируется по изданию В. М. Истрина [I]; греческий текст цитируется по изданию де Боора [I-II] и по Ватиканскому списку [Истрин II]; первое число обозначает номер страницы в соответствующем издании, последующие числа – номера строк. Буква Б. после греческого текста обозначает издание де Боора, буква В. – Ватиканский список. В квадратных скобках приводятся варианты по другим спискам ХГА, при этом сохраняется обозначение списков в издании В. М. Истрина, см. сокращения в конце статьи.

- (6) тѣмъ напѣдѣ павнѣше сѧ (павнѣше сѧ S.) срацннн и волна
 плѣнахоу грѣскоу землю 465, 11-12 ὁθεν ἐπὶ πλείον
 ἔκτοτε θρασυνθέντες οἱ Σαρακηνοὶ σφοδρότερον
 διελυμαίνοντο τὴν Ῥωμανίαν Б. 730, 22-731, 1;
- (7) коеваша срацннн на афракню 465, 28 — ἐπιστρατεύσαντων
 τῶν Σαρακηνῶν κατὰρτῆς Ἀφρικῆς Б., 732, 1;
- (8) срацннн нарекоша црѣ севѣ апснмара нѣкогѣо нарицаема
 465, 29 — ἀνηγόρευσαν ἑαυτοῖς βασιλέα Ἀψίμαρόν τινα
 καλουμένον. Б. 732, 3-4.

Рассмотрим сначала слово срацннн (Σαρακηνοί) в при-
 мерах (2-8). Слово в форме мн. числа (срацннн, срацннны)
 отмечено в ХГА 43 раза (из них один раз в виде срацнне 536,
 1). Прилагательное срацннньскын отмечено 19 раз. Дважды
 встретилась форма срауннн (90, 1; 531, 4), прилагательное
 срауннньскын — 5 раз (17, 5; 369, 1, 3, 16; 408, 11). Форма
 срацннн свидетельствует о древнем, притом болгарском,
 происхождении перевода ХГА. Как известно, процесс откр-
 ытия слога путем метатезы в южнославянских и западнос-
 лавянских языках в сочетаниях типа **tort* шел в VIII-IX вв.
 (Грамматика 1991: 100-101). М. Фасмер (1986-1987: III, 561)
 считает, что слово в виде *сарацин* заимствовано из средне-
 латинского *saracēnus*, формы на -к- связаны с влиянием
 греческого языка. В словаре Фасмера не сказано, что имел в
 виду автор в отношении термина среднелатинский.
 Скорее всего, речь идет о средневековой латыни. Представ-
 ляется, что форма *сарацин* более позднее книжное заимст-
 вование. Форма срацннн более древняя, ее следует отнести к
 VIII-IX вв. В Супрасльской рукописи (56: 3, 56: 6, 553: 29,
 559: 18, 567: 23, 569: 15-16) срацннн переводит греч.
 Ἀγαρηνοί, т.е. к моменту перевода и составления рукописи
 слово было уже устоявшимся в древнеболгарском языке. О
 последнем свидетельствуют и производные сракннньскын,
 срацннньскын (τῶν Ἀγαρηνῶν) в той же Супрасльской рукопи-

си (срв. 55:21, 57: 22, 66: 6, 566: 22). В ХГА тоже наблюдается такой перевод, например:

- (9) сна ѡва оу сове наѣкаше, егда на срацнны нде воевати (воевати ППб) 522, 14-15 – οὗς ἀμφοτέρους εἶχε μεθ' ἑαυτοῦ ἐν τῇ κατὰ τῶν Ἀγαρηνῶν ἐκστρατείᾳ В. 20, 25-26;
- (10) н много храбрьствне на срацнны показавъ (показа УвЧ) 522, 21-22 – καὶ πολλὰς ἀνδραγαθίας κατὰ τῶν Ἀγαρηνῶν ἐνδειξάμενος В. 20, 35.

В (1) кроме древней формы *кратагеньсктын* примечательно употребление вин. вместо лок. в контексте, где речь идет о месте. Такая взаимозаменяемость вин. и лок. наблюдается уже в древнеболгарскую эпоху (Грамматика 1991: 551-552, СС 1994: 126-127, вѣ.). Трудно себе представить, что такое употребление вин. и лок. возможно на русской почве, так как русский язык и в наши дни очень четко разграничивает категорию направления от категории места. Указанный пример (1) ценен в том смысле, что в нем наряду с фонетической особенностью наблюдается и синтаксическая; обе они говорят в пользу древнеболгарского происхождения перевода ХГА (к этому мы еще вернемся). На основе чередования *крат-/карт-*первичность винительной формы выглядит более приемлемой. Даже если форма вин. в данном случае не принадлежит самому переводу, то она свидетельствует о том, что часть древнерусских списков ХГА восходят к древнеболгарским предшественникам. В плане последнего замечания показательно, что распространенная в русской традиции форма слова на *-ф-* в одном из списков читается в вин. падеже.

Приведем еще примеры из области орфографии и фонетики в ХГА:

- (11) оустрѣленъ вѣ гатровоу (ѣтровѣ S.) 151, 8 – τοξευθεῖς εἰς τὸ ἥπαρ В. 209, 18;
- (12) н не послушашъ людне мон гл҃са моего 274, 13-14 – καὶ οὐκ ἤκουσαν ὁ λαός μου τῆς φωνῆς μου В., 396, 16;

- (13) авѣи ѿвѣща вѣроуѣ (вѣроуѣ СпУв) тако 344, 20-21 –
 παρευθὺ κατέθετο πιστεύειν οὕτως Б. 509, 23;
- (14) нѣже прокленѣше вѣтѣвннн оцн ·тнї· [повелѣшж вѣмь
 вѣдати иднносѣиство, ари же проклаша н мыслѣи с
 нннѣ]² 343, 21-22 – οὐς καὶ ἀναθεματίσαντες οἱ θεοὶ τίς
 πατέρες Б. 508, 1-3.

В примерах (11-14) отражена среднеболгарская мена юсов (ж ↔ ѡ); любопытно, что эту мену отражает даже древнейший сохранившийся список ХГА, Троицкий (11). Ведь по мнению В. М. Истрина (1922: 428), Троицкий список восходит чуть ли не к первооригиналу перевода Хроники. Правда, в русских диалектах встречаются формы *ятреб*, *ятреба* ‘живот’, ‘желудок’, ‘утроба’, (Даль 1978-1980: IV, 682), но вокализм суффикса (о вместо е) говорит скорее в пользу болгарской мены юсов. Показателен также пример (14): мена ж и ѡ наблюдается в добавлении, отсутствующем в греческом тексте.³ Таким образом, выясняется, что часть русских списков ХГА в издании В. М. Истрина восходит не к “древнерусскому” переводу, а к среднеболгарским его спискам. Мена юсов, как относительно более позднее явление, вторична по отношению к другим особенностям древнеболгарского языка ХГА,⁴ но в то же время это явление более древнее по отношению к языковым особенностям древнерусских списков Хроники, в которых оно отмечено, так как последние восходят к болгарским рукописям. Претензии В. М. Истрина, что перевод ХГА был сделан на Руси в XI в., никак не увязываются с этими примерами. Более того, их трудно увязать с мнением А. А. Пичхадзе, что перевод ХГА был выполнен на Руси все в том же XI в. в сотрудничестве болгарского и русского переводчиков.

² Заключенный в скобках текст читается в списках П, Сл, Ун.

³ То же самое и в издании Муральта.

⁴ См. Станков 20036.

На мену юсов в ХГА обратил внимание еще П. А. Лавров (1925-1926: 466). На работу Лаврова указала и Т. В. Пентковская (2004: 100), никак впрочем не прокомментировав мену юсов в древнерусских списках ХГА, как будто это нечто само собой разумеющееся, т.е. рукописи свободно шествовали из Руси в Болгарию и обратно. Мало того, но по словам Пентковской, некоторые случаи лишь “предположительно” отражают мену юсов.

Следует обратить внимание на отдельные орфографические особенности, передающие греческие фонетические явления, оказавшие влияние на древнеболгарский язык. В ХГА, например, $\sigma\chi \rightarrow \sigma\kappa \rightarrow \sigma\kappa$, дифтонги $\epsilon\upsilon$, $\alpha\upsilon$ перед ι , η , $\acute{o}$, $\acute{\omega}$ ($\bar{\omega}$) $\rightarrow \omicron\gamma$ (Станков 1994б: 81, 2003б: 275).

В области морфологии показательны те особенности, которые присущи древнеболгарскому языку и не присущи древнерусскому. В ХГА, например, формы простого аориста:

- (15) грамотоу во финикане вѣрѣтоу (3 л. мн.) 62, 6 – $\gamma\rho\acute{\alpha}\mu\mu\alpha\tau\alpha\ \mu\acute{\epsilon}\nu\ \gamma\acute{\alpha}\rho\ \Phi\omicron\iota\nu\iota\kappa\epsilon\varsigma\ \epsilon\acute{\phi}\epsilon\upsilon\rho\omicron\nu$ Б. 62, 27-28;
- (16) н въ вавилонѣ пакы веденомѣ вывшимѣ имѣ, възндоу (възндоуѣ S.) въ своа сн, н антнѡхомѣ толнка зла [трѣпѣвшимѣ] пакы въ первын възндоу (възндоуѣ S.) вбразѣ н уннѣ 287, 18-20 – $\kappa\alpha\iota\ \epsilon\iota\varsigma\ \text{Βαβυλ}\acute{\omega}\nu\alpha\ \pi\acute{\alpha}\lambda\iota\nu\ \acute{\alpha}\pi\epsilon\nu\epsilon\chi\theta\acute{\epsilon}\nu\tau\epsilon\varsigma\ \acute{\epsilon}\pi\alpha\nu\eta\lambda\theta\omicron\nu\ \epsilon\iota\varsigma\ \tau\acute{\alpha}\ \iota\delta\iota\alpha$, $\kappa\alpha\iota\ \upsilon\pi'\ \text{Ἀντιόχου}\ \tau\omicron\sigma\alpha\upsilon\tau\alpha\ \kappa\alpha\kappa\acute{\alpha}\ \pi\alpha\theta\acute{\omicron}\nu\tau\epsilon\varsigma\ \alpha\upsilon\theta\upsilon\varsigma\ \pi\rho\acute{o}\varsigma\ \tau\acute{o}\ \pi\rho\acute{o}\tau\epsilon\rho\omicron\nu\ \acute{\epsilon}\pi\alpha\nu\eta\lambda\theta\omicron\nu\ \sigma\chi\eta\mu\acute{\alpha}\ \tau\epsilon\ \kappa\alpha\iota\ \acute{\alpha}\xi\iota\omega\mu\alpha$ Б. 418, 1-4;
- (17) нво грамотоу финикане вѣрѣтъше (вѣрѣтоу S.) 70, 15 – $\kappa\alpha\iota\ \gamma\rho\acute{\alpha}\mu\mu\alpha\tau\alpha\ \Phi\omicron\iota\nu\iota\kappa\alpha\varsigma\ \epsilon\upsilon\rho\eta\kappa\acute{\epsilon}\nu\alpha\iota$ Б. 75, 16-17;
- (18) в та же лѣта в болгарскын языкъ ѿ северскыа страны еоукснна понетскаго моря ѡ плѣномѣ мевотское озеро нападоу (нападѣ Пч, нападе Пб, напада Ув) на фракнсню съ многою нищетою н оубожествомѣ 467, 7-10 – $\text{Καθ' ὃν χρόνον τὸ τῶν Βουλγάρων ἔθνος ἀπὸ τοῖς ἀρκτέροις περατικοῖς μέρεσι τοῦ Εὐξείνου πόντου ἐκ τῆς λεγομέ-$

νης Μαιώτιδος λίμνης ἐπῆλθε τῇ Θράκῃ μετὰ πολλῆς
πτωχείας καὶ ἀπορίας Б. 728, 15-18;

(19) авне нападоша (нападоуѣтъ СпУвЧ) на нь строуни велѣн 431,
11-12 – εὐθὺς ἐπιτίθεντα αὐτῷ σφοδρότατοι πόνοι ἀρθρί-
τιδες Б. 662, 7-8;

(20) нхѣ посла мѡѡсн: егда прѣдоѣ (прѣдѣ СлСпЧ) даже до
рѣа грѣзнаго (грѣзнаго Сп, грѣзньнаго УвЧ) и оуѣзѣаше
(оуѣзѣаше СпУвЧ) тоу лѣзоу кнѣа, грѣзднѣ (грѣзнѣ
СлСпУвЧ) едннѣ вѣаша и на рѣмоу 454, 26-28 – ὧν δὲ
ἀπέστειλε Μωϋσῆς ὅτι· ἦλθον ἕως φάραγγος βότρυος
καὶ κόψαντες ἐκεῖθεν κλῆμα καὶ βότρυν σταφυλῆς ἓνα
ἦραν αὐτὸν ἐπὶ ἀναφορεῦσιν Б. 709, 10-13.

В (16) чтение нападе (ἐπῆλθε), вероятно, первично по
отношению к нападѣ (3 л. из нападж); нападоху связано с
напада в Ув. В (19) чтение нападоуѣтъ восходит к нападоу (из
нападѣ), ср. (14) и (20), где непонятные аористные формы
(вѣзѣдоу из вѣзѣдѣ, прѣдѣ из прѣдѣ) переделаны русскими
переписчиками в простое будущее. На формы простого ао-
риста было указано и в предыдущих наших работах (при-
меры 15, 16; срв. Станков 2002а: 9).

Форму вѣрѣтоу в (15) отметил еще П. А. Лавров (1925-
1926: 466), но он рассматривал ее лишь как отражение юсо-
вого письма рукописей, предшественников русским спискам
ХГА. Недавно Т. В. Пентковская (2004: 100) процитировала
(15) с той лишь разницей, что греческая параллель приведе-
на ею по изданию Э. Г. фон Муральта,⁵ при этом автор сос-
лалась на П. А. Лаврова, как будто именно Лавров отметил
простой аорист в вѣрѣтоу (из вѣрѣтѣ). По мнению Т. В.
Пентковской, форма простого аориста, возможная только в
“южнославянской” (правильно “болгарской”) среде, свиде-
тельствует лишь о редакции перевода ХГА, так как перевод,
видимо, свободно шествовал по славянским землям в раз-
ные направления (Пентковская 2004: 100). Сюда же Пентков-

⁵ Муральт 1859.

ская сваливает и случаи мены юсов в ХГА (см. выше), игнорируя тот факт, что мена юсов и простой аорист явления разного хронологического порядка. Формы простого аориста уже в древнеболгарскую эпоху отличались печатью архаичности и были характерны в основном для западноболгарской языковой территории (Добрев 1982: 86-87), в то время как мена юсов отражает в основном орфографию рукописей среднеболгарского периода (Мирчев 1978: 114, Иванова-Мирчева, Харалампиев 1999: 66, Харалампиев 2001: 63). Если же случаи мены юсов в ХГА отнести к поздней древнеболгарской эпохе, поскольку такая мена спорадически наблюдается в Зографском, Мариинском и Ассеманиевом евангелиях (Иванова-Мирчева, Харалампиев 1999: 66; Харалампиев 2001: 63), то и в этом случае они вместе с простым аористом в языковом отношении являются более древним пластом в древнерусских списках ХГА.

Следующий пример, возможно, отражает новое (среднеболгарское) окончание аористное окончание -хж (Мирчев 1978: 217), ставшее постепенно основным в болгарском языке, старое окончание -шл ныне имеет диалектный характер:

- (21) н книгописци [со женами] напнсаша (напансах⁸ S., спаху Sp) 311, 16-17 – καὶ οἱ βιβλογράφοι σὺν γυναιξὶν ἑγγράφον B. 455, 2-3.

Возможны два объяснения:

а. первичным чтением было напнсаша (из напнсашл); это означает, что имперфектное окончание -ов в ἑγγράφον было принято переводчиком за окончание второго греческого аориста; чтение напансах⁸ (из напансахж) – среднеболгарская замена с использованием нового аористного окончания; предполагать более позднюю правку перевода по греческому тексту пока что нет оснований;

б. первичным было чтение напансах⁸ (из напансахж, напансахж), т.е. имперфектная форма ἑγγράφον была точно пере-

дана в древнеболгарском переводе ХГА, а нестяженная форма перешла в стяженную; тогда следует предположить, что *написаша* (из *написаша*) является исправлением, т.е. в среднеболгарскую эпоху форма *написахъ* была понята как аорист и в соответствии с этим исправлена. В любом случае древнерусские списки ХГА в издании В. М. Истрина имеют отношение к среднеболгарским спискам перевода.

В области морфологии внимания заслуживают чтения, свидетельствующие о процессе формирования членной формы в болгарском языке. В ХГА, например:

- (22) *того ради нешествованъ соѣ поустыиа тѣхъ странъ* 49, 19-20 — *διὸ καὶ δυσδιόδευτοὶ εἰσιν οἱ ἐρημικοὶ τόποι ἐκεῖνοι* Б. 37, 19-20;
- (23) *стоюю оноу землю оскверниша* 295, 18 — *τὴν ἁγίαν γῆν ἐχεῖνήν καταμιαίνοντες* Б. 429, 17-18;
- (24) *паки вѣтри доуноуше наполняютъ мѣсто то* 455, 21-22 — *πάλιν οἱ ἄνεμοι καταπνεύσαντες γεμίζουσι τὸν τόπον.* Б. 710, 17-18;
- (25) *Н кроушю людн снѣгъ н градо-тъ* (*τὴν πόλιν ταύτην*) ХГА, Ув., л. 179.⁶

Примеры достаточно показательны: в (22) и (23) указательное местоимение, ставшее впоследствии членом, стоит после прилагательного (*поустыиа тѣхъ странъ*, ср. болг. *пусти-те земи*; *стоюю оноу землю*, болг. *света-та земя*⁷); в (24) в греческом тексте⁸ отсутствует указательное местоимение; в

⁶ Срезневский 1893-1912: III, 1068; в издании Истрина не удалось обнаружить этот контекст.

⁷ В литературном болгарском языке в качестве члена выступает только местоимение *тъ*, но в диалектах членами являются все три показательных местоимения (*тъ*, *онъ*, *съ*); см. Стойков 1993: 231-232; Златанова 1986: 186-187.

⁸ У Муральта то же самое: 601, 18-19.

(25) наблюдается изъяснение конечного слабого [ъ] в градъ.⁹ Ср. еще:

(26) н змнѣе соутъ тоу въ поустыи тѣхъ страны 49, 14 – καὶ δράκοντες εἰσὶν ἐν τοῖς ἐρημοτέροι τόποις ἐκείνοις Б. 37, 14.

И в этом случае, как и в (22), (23), указательное местоимение в греческом тексте стоит после существительного в отличии от славянского текста. Пример любопытен еще тем, что наблюдается расхождение в окончаниях: -тъхъ в прилагательном, -тъхъ в существительном. Вряд ли это среднеболгарский переход ѡ в ѣ (Мирчев 1978: 113), скорее всего – новое русское окончание для им.-вин. мн. прилагательных всех родов (Горшкова, Хабургаев 1981: 233; Иванов 1983: 316). В случае важнее то, что как и в (1) наблюдается употребление вин. при глаголе быти вместо лок. Это уже относится к синтаксическим особенностям, указывающим на древнеболгарское происхождение перевода ХГА. Еще один пример вин. с предлогом въ вместо лок.:

(27) пакъ сѧ нѣкъхъ въ западнѣхъ страны 36, 21 – ἀναφαίνεται τις ἐπὶ τὰ δυτικὰ μέρη Б. 16, 2-3.

Некоторые авторы, в частности Й. Вашица (1958: 524-528), считают, что въ с вин. вместо ожидаемого лок. в *Законе Судном людем* является особенностью западнославянской, т.е. моравской. Но в ХГА встречается и употребление лок. вместо вин. и это в корне меняет всю картину, например, в сочетании с предлогом въ при глаголах нти и прѣхти:

(28) съ волгары коуплю творити въ градѣ селоуни прѣдоста 529, 12 – μετὰ Βουλγάρων πραγματοῖαν ἐν τῇ πόλει ἐν Θεσσαλονίκῃ μετέστησαν В. 27, 11;

(29) прѣде въ керсополе 467, 18 – καταλαμβάνει τὴν Χρυσόπολιν Б. 735, 9;

⁹ См. также: Станков 2002а, 16, примеч. 4; там же и основная литература вопроса.

- (30) шѣ въ кресополе (кресополь УвЧ) 486, 5 – κατελθὼν-
ἐν Χρυσόπολει Б.772, 11;
(31) на кресополе прнде 551, 21 – ἐν Χρυσόπολει καταλαβὼν В.
47, 8;
(32) нѣг... нде попѣ на коньстантинѣ граде 16.

В (28) лок. может быть употреблен под воздействием соседства глагола творити или под влиянием греческой конструкции ἐν + дат. со значением места, хотя речь идет о перемещении рынка в Солунь. В (29), (30), (31) вторая часть топонима крьсополь, крьсополь (Χρυσόπολις) могла быть воспринята русскими переписчиками как слово поле, что является формой вин. и что объясняет ѣ вместо ѣ. О путанице в написании вышеназванного топонима свидетельствуют такие примеры:

- (33) крьсолополю (кръсополу Сп, кресополу УвЧ) 479, 6 – Б.
759, 9;
(34) кросополскомоу 479, 8 – Б. 759, 10;
(35) коуросоуполн 518, 27 – В. 17, 17;
(36) кор'соуполе 464, 2 – Б. 728, ;
(37) кресополн 483, 8 – Б. 767, 7.¹⁰

Возможно, и это выглядит более вероятным, речь идет о ѣ вместо ѣ на русской почве (Горшкова, Хабургаев 1981: 87-94; Иванов 1983: 202-206), ср. (32), где в прилагательном читается ѣ, а в существительном – ѣ.

Наблюдаются случаи чередования въ + лок. и въ + вин. и при других глаголах (оуземьствовати, въуемити сѧ):

- (38) уземьствова па въ афинѣ 485, 20 – αὐτοῖς... ἐξώρισεν εἰς
Ἀθήνας Б. 771, 16-17;
(39) уземьствова в селоуни 485, 7 – ἐξώρισεν ἐν Θεσσαλονίκῃ Б.
770, 19-20;
(40) уземьствова в селовонстѣмъ остроуѣ 486, 2 – περιوریσας
ἐν τῇ Λέσβῳ νήσῳ Б. 772, 7;

¹⁰ О начальном к вместо х в крьсополь, крьсополь (Χρυσόπολις) несколько ниже.

- (41) въ влжжнѣ ѡстровѣ кѡнѡнтинѣ града ѡземствовавѣ 488,
25 – εἰς τὸ πλησίον τῆς πόλεως νησίον περιορίζεται Б.
776, 23-24;
- (42) въ искрѣннѣ ѡстровѣ ѡземствова 571, 19 – ἐν ταῖς
πλησιαζούσαις νήσοις αὐτοὺς περιώρισαν В. 64, 38;
- (43) вселѣша сѧ въ градѣ самарѣнскѣ 184, 5 – κατωκίσθησαν
ἐν ταῖς πόλει Σαμαρείας В. 263, 12-13;
- (44) вселѣти сѧ въ градѣ томѣ клѣнѣ повелѣ 309, 5 – οἰκεῖν
"Ἑλληνας ἐν τῇ πόλει προσέταξεν В. 451, 3-4;
- (45) ѡземствова въ рѣмѣ 466, 12 – ἐξώρισεν ἐν Ῥώμῃ В. 733,
2;
- (46) ѡземствова ꙗ въ афинѣ 21, 34-35;
- (47) ѡземствова в селѡнѣ 467, 4 – ἐξώρισεν ἐν Θεσσαλονίκῃ В.
734, 9;
- (48) вселѣшѧ въ фракѣн (фраклѣн СПУВЧ) 476, 9 – οἰκῦντες ἐν
τῇ Θράκῃ В. 752, 16;
- (49) вселѣ сѧ в нѧ 523, 3 – ἐνοικίσας αὐτοῖς В. 21, 10;
- (50) вселѣ сѧ в нѧ 86, 20 – εἰς ἣν οἰκῆσας В. 101, 21;
- (51) вселѣ сѧ въ сѡгѣю двѣцю 102, 23 – ἐνοικῆσας ἐν τῇ
ἀγίᾳ παρθένῳ В. 129, 5-6;
- (52) вселѣти сѧ въ градѣ нѣрѣмѣ 172, 18 – κατοικῆσας τὴν
πόλιν Ἰρουσαλὴμ В. 244, 9.

В литературе по-разному комментируют это явление. По мнению К. И. Ходовой, въ + лок. при глаголах падати, въселѣти сѧ, положити, полагати, сѣяти, поврѣшити, затворити, сѣкрыти, погребѣти, омоутити, оуправити может обозначать предметы, внутри которых что-либо помещается; многие из указанных глаголов известны и в сочетании с вин. падежом (Ходова 1971: 63). Конструкция въ + вин. обозначает предмет, полностью включающий в себя конечную точку движения; движение же направлено к предмету с целью закончиться в его пределах (Ходова 1971: 98-99).

Далее К. И. Ходова отметила, что при въ + вин. встречается тот состав имен существительных, что и при въ +

лок., а при глаголах “движения” малой интенсивности” (положитн, сѣгатн, олючнтн) отмечается употребление въ + лок. (Ходова 1971: 99, 100). Представляется, что интерпретация К. И. Ходовой не достаточна для объяснения чередования въ + лок. и въ + вин.

Любопытна точка зрения В. Н. Топорова относительно русского языка:

„Особенный интерес представляют некоторые случаи лок. с предлогом *в* от слов, обозначающих местные понятия, при глаголах движения. *Примеры такого рода в древнерусском языке чрезвычайно редки, а в дальнейшем и вовсе не встречаются.* В ряде случаев они допускают и иное объяснение, иногда вполне очевидное.¹¹ Однако несомненное наличие подобных лок. с предлогом *в* в значении направления (с точки зрения рассматриваемого периода) в более ранние эпохи развития языка колебания в тех случаях, когда моторность глаголов выражена предельно слабо (...) в сочетании с некоторыми (пусть даже не до конца достоверными) случаями лок. с другими предлогами и без них — все это, кажется, говорит о возможности сохранения в некоторых примерах лок. с предлогом *в* в значении направления. *Еще раз отметим, что каждый отдельный пример такого рода лок. не является показательным сам по себе и может быть объяснен опиской или синтаксической аттракцией, но во всей своей совокупности достоверность лок. в значении направления становится довольно правдоподобной*“.¹²

В. Н. Топоров привел такие примеры:

- (53) *сего внесше утрѣ в пещерѣ, положиша, и толми въ смердѣ, яко и бесловесным бѣгати тоя пещеры*, Киево-Печерский патерик, 179;
- (54) *придут в погостѣ*, Лавр. летопись (ПСРЛ 1962: I, 175);

¹¹ Здесь Топоров привел для сравнения такой пример: *которые напередъ того въ станицахъ ежизивали.*

¹² Топоров 1961: 70; курсив наш.

(55) *привезоша его в манастири*, Новгор. I летопись (НПЛ 1950: 100);

(56) *и вложи князь грѣхъ въ сердци*, Новгор. I летопись (НПЛ 1950: 60).

Примеры не очень убедительные. По поводу (53) В. Н. Топоров заметил с сомнением, что *нещерѣ* могло относиться к следующему глаголу *положиша*. Относительно (56) автор высказал предположение о возможной мене *е* и *и*, тогда форма *сердци* приобретает значение вин. падежа. В том же самом издании Новгородской I летописи, которым пользовался В. Н. Топоров, в Комиссионном списке можно прочесть разночтение *въ сердце*.¹³ Пример (55) сомнителен ввиду того, что разные издания Новгородской I летописи по-разному передают рукопись; ср.: *привезоша его въ манастирь къ святому Михаилу* (ПСРЛ 1841: III, 85; год 6860 [1352]). Пример (54) тоже не убедителен, поскольку более широкий контекст предлагает другое объяснение; ср.: *къѣ придут в погостѣ*; в других списках летописи читается: *и гдѣ... приидуча в погостъ* (ПСРЛ 1962: I, 175); т.е., с одной стороны, лок. при глаголе движения можно связать с местоимением *къдѣ* (гдѣ), а с другой, – в разночтениях находим правильный вин. падеж.

Как видно, В. Н. Топоров осторожно высказал мнение о возможном сохранении значения направления при лок. с предлогом *в* при глаголах движения в русском языке, однако, примеры, приведенные им, не убеждают в такой возможности. Ничего не сказал, однако, В. Н. Топоров о возможном влиянии древнеболгарского языка посредством древнеболгарских рукописей на древнерусские тексты. Более того, В. Н. Топоров фактически не анализировал данное явление в самом древнеболгарском языке. Автор привел только один пример:

(57) *егда приидешъ в црѣн твою* Лк. 23:42, Зогр, Мар.

¹³ НПЛ 1950: 261; год 6728 (1220); см. также ПСРЛ 1841: III, 38.

Комментируя этот контекст, В. Н. Топоров допускает возможное значение направления, но почему-то считает, что *прѣидиш* здесь означает 'появиться' (Топоров 1961: 206 и примеч. 53), что, очевидно, неверно.

Данное чередование отметил и Т. П. Ломтев, который тоже высказал мнение о том, что лок. был употребителен при предлоге *въ* и глаголах движения (Ломтев 1956: 322). Автор привел один пример:

(58) *Яко стрѣлы твоя оунзоша во мнѣ*, Лавр. лет. (Ломтев 1956: 322; ПСРЛ 1962: I, 133).

Как и Топоров, и Ломтев рассматривает древнерусский язык в некоем чистом, идеальном виде, полностью изолированном от влияния древнеболгарского языка. Последний пример, (58), является цитатой из Псалтири (37:3) и встречается в таком виде как в классических древнеболгарских, так и в более поздних болгарских рукописях, ср.:

(59) *яко стрѣлы твоѣ оунъзж мнѣ*, Синайская Псалтирь, (в Евхологии *оунъзж въ мнѣ*) (СС 1994: 741);

(60) *яко стрѣлы твоѣ оунъзошж въ мнѣ*, Псалтирь Томича 626, 5-6.¹⁴

Это чтение можно увидеть и в Комиссионном списке Новгородской I летописи:

(61) 6523 (1015) *яко стрѣлы твоя оунзоша (оунъзоша) во (въ) мнѣ* (НПЛ 1950: 170).

Это ставит под сомнение существование значения направления у лок. в древнерусском языке в сочетании с предлогом *въ*.

Более интересна позиция Ст. Геродеса относительно сочетания *въ* с лок. и вин. в древнеболгарском языке. Геродес отметил, что *въ* + вин. выражает направление и движение внутрь вещей, пространства, лица; с названиями горо-

¹⁴ Джурова 1990: II; другие рукописи дают другое чтение: *яко стрѣлы твоѣ оунъзошж мнѣ*, 67а 15-16; НП 1988: II, 342; *яко стрѣлы твоѣ оунъзоша мнѣ* ОБ 1581.

дов и стран въ с вин. обозначает динамические пространственные отношения, а въ с лок. — статические (Геродес 1963: 318).

Геродес (1963: 321) привел и статистические данные: при глаголах с приставкой по- преобладает въ с лок. (121:35), при глаголе въсиѣти (сѣ) преобладает вин. (58:15), въсиѣти (8:1). Существенно наблюдение Геродеса относительно греческих текстов, где чаще появляются статические сочетания ἐν + дат. Геродес отметил также и то, что древнеболгарский перевод не всегда следует греческому тексту: иногда динамические сочетания (εἰς + вин.) переводятся славянским локативом, а иногда статические сочетания переводятся славянским аккузативом (ἐν + дат.; Геродес 1963: 321). В конечном итоге Ст. Геродес склонен видеть как в греческом чередовании εἰς и ἐν, так в славянском въ с лок. и вин. явление индоевропейское (Геродес 1963: 321).

А. Минчева (1987: 70) отметила дублетный характер конструкций въ + вин. и въ + лок. в “контекстах локатива” в Шестодневе Иоанна Экзарха Болгарского с преобладанием локатива. При этом автор считает, что чередование их не связано семантическими различиями (8:1). По мнению И. Дуриданова (1956: 168, 84), речь идет о потере смысловых различий между вин. и лок. при выражении пространственных отношений.

Трудно согласиться с Геродесом, что анализируемое явление, имевшее место в древнеболгарскую эпоху, восходит непосредственно к индоевропейскому, несмотря на то, что такая возможность существует.¹⁵ Широта распространения этого явления в древнеболгарскую эпоху говорит в пользу нейтрализации грамматического разграничения нап-

¹⁵ Локатив, аккузатив, инструменталь и аблатив входили в подсистему локативных падежей, а сам локатив имел отношение к одному из двух пространственных значений аккузатива — к значению директива; Одри 1988: 105.

равления и места в древнеболгарском языке. Именно такая нейтрализация, по нашему мнению, была, может быть, первой ступенью дальнейшего разложения падежной системы в болгарском языке. Трудно также согласиться с тем, что явление, оказавшее влияние на дальнейший ход развития болгарского языка, имеет непосредственное отношение к отдаленной индоевропейской эпохе.

Нерусский характер синтаксиса ХГА отмечал в свое время Г. Бройер (1958). В частности автор писал:

„в одном определенном синтаксическом обороте можно подметить в этих памятниках¹⁶ различия, которые дают возможность приписать их к типу болгарского церковнославянского или к типу русского церковнославянского языка. В придаточных предложениях, зависящих от глаголов желания, просьбы и т.п., в старославянском после союза *да* употребляется настоящее время изъявительного наклонения, например: *моли ѿ да прѣдѣтъ*, в то время как в древнерусском употребляется, сначала преимущественно, позднее — исключительно, сослагательное наклонение, например: *Молися, да бы пришелъ*. В придаточных цели в древнерусском вначале употребляется изъявительное наклонение, так же как и в староболгарском, но со временем изъявительное наклонение все более вытесняется в таких оборотах сослагательным... Язык старославянского перевода Хроники Георгия Амартола в этом отношении особенно отличается нерусским характером, так как здесь и в оборотах требования употребляется в большинстве случаев настоящее время изъявительного наклонения. Этому противостоит лексика с типичными русизмами. Если рассмотреть распространение этих русизмов в тексте, то оказывается, что они находятся в

¹⁶ Лаврентьевская и Ипатьевская летописи, Изборник 1073 г., ХГА, *Иудейская война* Иосифа Флавия.

большинстве случаев своем в последней, наиболее поздней части памятника. Замечательно, что это относится и к употреблению сослагательного наклонения в предложениях требования. Кроме того, можно заметить сравнительное учащение лексических русизмов в определенных местах Хроники. Там же учащаются и примеры сослагательного наклонения в предложениях требования. Таким образом, части с более сильным южнославянским характером чередуются с частями, носящими более русский характер“ (Материалы 1962: II, 249-250).

Наблюдения Г. Бройера относительно союза *да* в древнерусских рукописях заслуживают серьезного внимания. Позволим себе лишь одно замечание. Сомнительно, чтобы конструкции типа *молися, да бы пришел* являются древнерусскими, ср. болг. *моли се да би дошъл*. Из таких конструкций в русском языке возник союз *дабы*, но все дело в том, что это союз исключительно книжный по своему характеру. Последнее означает, что и сами конструкции, из которых получился союз *дабы* были несвойственны живому древнерусскому языку. Лучше говорить о предпочтении русскими книжниками таких конструкций с сослагательным наклонением, но нельзя не отметить, что союз *да* в русском языке имеет и в настоящее время только сочинительную функцию, подчинительная функция этого союза характерна для болгарского языка. В тех редких конструкциях в современном русском языке, в которых употребляется *да* в подчинительном значении, явно ощущается древнеболгарское влияние.¹⁷ Иными словами, конструкции с сослагательным наклонением типа *да бы* в переводных текстах не могут быть древнерусским признаком, как считает Г. Бройер.

¹⁷ О сочинительной и подчинительной функциях союза *да* в *Словах* древнеболгарского писателя X века Петра Черноризца см.: Павлова 1994: 177-183.

Мнение Г. Бройера, что в тексте ХГА чередуются части с более сильным “южнославянским” характером и части с русским характером подлежит пересмотру, поскольку допускает модные в настоящее время спекуляции на тему о сотрудничестве болгарского и русского переводчиков. Именно таким образом в свое время истолковал эту мысль Н. А. Мещерский, который, с одной стороны, высказался против существования “комиссии переводчиков”, а с другой — вообще против наблюдений Г. Бройера относительно союза *да* в древнерусских рукописях (Материалы 1962: II, 262).

Отметим случай беспредложного вин.:

- (62) *възѣмѣствова корсонѣж (корсѣвнѣж ПУВЧ, в корсѣвнѣж Пб, в корсѣвнѣж Сл, корсѣвнѣж Сп) 459, 4 — ἐξώρισεν εἰς Χερσῶνα Б. 717, 16.*

Из классических древнеболгарских памятников известен еще один пример:

- (63) *тѣмѣтъ отѣлѣжун жити въсточѣнѣж странѣж града (греч. нет, Супр. 542: 4-5).*

Пример не очень надежный ввиду возможной гаплографии. В древнерусских текстах можно отметить несколько большее число беспредложного вин. (Якубинский 1953: 173). По мнению Р. Павловой, значение беспредложного вин. можно считать инклюзивным (Павлова 1977: 175). Любопытно, что и здесь в некоторых списках ХГА наблюдается чередование предлога *въ* с вин. и лок. Сохранение ж в четырех списках Хроники говорит в пользу большей древности беспредложного вин. О возможности существования форм *корсона*, *корсоуна* свидетельствует болг. Карвуна от греч. *ὁ καρβουναῖς* ‘угольщик’ (БЕР II: 243-244).

Особенности словарного состава переводных текстов приобрели особое значение в силу сложившейся русской научной традиции, которая, уповая на один лишь лексический критерий, стремиться в качестве почетного отличия присвоить древнерусской культуре происхождение ряда

древних славянских переводов с греческого. В связи с этим локализуемыми могут быть только специфические и редкие болгарские слова, поскольку вероятность отнесения их к самому переводу исключительно большая, приближающаяся к единице. Редкие лексические русизмы локализуемой силы иметь не могут, поскольку они всегда вторичны, что подтверждается тем обстоятельством, что их, как правило, можно обнаружить лишь в отдельных списках того или иного славянского перевода. В качестве хорошего примера можно привести неудачную попытку А. М. Молдована возвести неясное по происхождению и значению слово *ланица*¹⁸ (вместо *мѣданица* или *мѣднница*) к переводу *Жития Андрея Юродивого* (Станков 2002а: 79-80). В переводных текстах лексические русизмы вторичны так же, как вторичны и особенности, отражающие древнерусскую орфографию, фонетику, морфологию. Вероятность отнесения лексического русизма к какому-нибудь переводу равняется нулю. Наличие лексического русизма даже во всех известных списках того или иного перевода не может служить доказательством русского происхождения, так как в сходных контекстах ему может противостоять другое слово, что сразу ставит под сомнение первичность данного русизма; иными словами, анализ лексики не должен ограничиваться изолированными словами и контекстами. Необходимо также заметить, что очень часто речь идет о мнимых лексических русизмах, о чем нам не раз приходилось писать, включительно и в отношении словарного состава ХГА (Станков 1994б, 2002б, 2003б, 2004а, 2004в).

На этот раз остановим свое внимание на грецизмах в древних славянских переводах. Приведем заключительные слова одной из последних работ Т. В. Пентковской:

„Грецизмы, которые содержатся в текстах, связанных с восточнославянской языковой средой, вошли в

¹⁸ Сохраняем орфографию А. М. Молдована, точнее *ланица*.

книжный язык Древней Руси двумя путями: некоторые из них были заимствованы непосредственно при переводе греческих текстов, но подавляющее их большинство попало в церковнославянский язык русского извода благодаря корпусу текстов, принесенных на Русь из Болгарии после христианизации, т.е. через язык-посредник, роль которого выполнял церковнославянский язык болгарского, позднее также сербского извода. Параллелью к данной ситуации может служить арабская культурно-лингвистическая ситуация, где заимствования из греческого попали в арабский как непосредственно (например, в условиях полиэтнических монашеских общин), так и через язык-посредник, которым, в зависимости от региона, был сирийский или коптский.

В период второго южнославянского влияния на Русь в XIV-XV вв. были перенесены тексты, содержащие как “старые”, так и “новые” грецизмы (например, *мѣтаниѣ*, *катадънивьныи*, *катадѣто*), которые *в той или иной степени усваивались церковнославянским языком русского извода именно в это время*.¹⁹

Иными словами, в древних переводах есть грецизмы “древнеболгарского” происхождения и грецизмы “древнерусского” происхождения. Автор, однако, забыла указать, каким образом можно отличить грецизмы “древнеболгарского” от грецизмов “древнерусского” (или “восточнославянского”) происхождения. Если их нельзя разграничить на основе четких признаков, то, понятно, и само их существование вызывает сомнение. Если же каждый раз необходимо обращаться к разным текстам (как это сделано в статье Пентковской), то нельзя не заметить, что такой подход тоже не является строго принципиальным, так как для разграничения языковых явлений необходимы лингвистические при-

¹⁹ Пентковская 2004: 106; курсив наш.

наки, но никак не текстологические. Точно также, на текстологическом уровне, выделяются “старые” и “новые” грецизмы. К тому же, у автора наблюдается некоторая путаница в терминологии: с одной стороны, “церковнославянский язык болгарского извода” является разновидностью “церковнославянского языка”, а с другой, — это самостоятельный язык, “язык-посредник”, приравниваемый функционально к сирийскому или коптскому.

Параллель, которую Пентковская пытается навязать языковой ситуации в Slavia Orthodoxa вызывает серьезные возражения. У южных славян, главным образом у болгар, на протяжении всей их истории существовали непосредственные контакты с греческим языком, чего совсем нельзя сказать о восточных славянах. Главным источником проникновения грецизмов в древнерусскую письменность до XV-XVI вв. была древнеболгарская (частично, может быть, древнесербская) письменная традиция.

Ввиду ограниченного объема статьи приведем лишь пару примеров из ХГА, тем более, что и в предыдущих наших работах попутно были анализированы отдельные грецизмы.

ПАРАКНМОУМЕНЪ (28)²⁰ ‘придворный, ведающий царской спальней и ночью в ней дежурящий’ (65): *црѣ посла вѣтскорѣ паракнпоумена* (паракнмоумена СпУвЧ) *своего... вндѣвъ паракнпоумена* (паракнмоумена СпУвУ)... *црѣ же повелѣ паракнпоуменоу* (паракнмоуменоу СпУвЧ) 430, 11-12, 13, 16-17 — Б. 660, 10-11, 12-13, 17-18. Грецизм появился в древнеболгарском языке: переход *ó* в *ou*. Характерно здесь непонимание слова в (65).

ПОДРОУМНІЄ (21)²¹ ‘игрище, ристалище’

²⁰ Число в скобках после каждого слова обозначает количество употреблений в ХГА.

²¹ Один раз *подрѣмнѣ* в части списков ХГА употреблено ошибочно вместо *подрѣмнѣ*: 433, 2 — *τὴν σύζυγον* Б. 665, 16.

(66) и шедше на подроумни, моллаху сѣ. но ннѣтоже приша
410, 26 – ἐν οἷς εἰς τὸ ἱπποδρόμιον ἔδραμον λιτανεύον-
τες, ἀλλ’ οὐδὲν ὠνήσαν Б 625, 13-14;

(67) нзведѣ Оустинныана на подроумне, н оуѣѣѣа емоу ностъ,
оуземьствова в корсоумн 465, 25-26 – ἐξαγαγὼν Ἰουστ-
τινιανὸν εἰς τὸ ἱππικὸν καὶ ῥινοτομήσας... αὐτὸν ἐξώ-
ρισεν εἰς Χερσῶνα Б. 731, 19-20.

Слово подроумни (при отсутствии нподроумни в ХГА)
восходит к греч. ἱπποδρόμιον. М. Фасмер, возводя “древне-
русское” *иподрумие* прямо к греческому слову, просто
ошибся,²² так как и нподроумни, и подроумни могут быть свя-
заны только с древнеболгарским языком: переход *о* в *оу*.
При этом нподроумни зафиксировано в Изборнике 1073 г.
(264в: 23) который, как хорошо известно, нерусского проис-
хождения. К тому же в древнерусских рукописях есть слу-
чай непонимания этого слова: подгорни, подморни (Срезневс-
кий 1893-1912: II, 1005, 1063). Вариант подроумни возник,
возможно, по ассоциации с старым болгарским заимствова-
нием из греческого *друм* ‘путь, дорога’ и предлогом *по*; ср.
болг. диал. *подрѹм(и)че* *Matricaria chamomilla* (БЕР I: 433).
Все же отметим разное прочтение разными авторами этого
слова в Новгородской I летописи (6712): согласно И. И.
Срезневскому (1893-1912: I, 1110), в летописи читается
нподроумни; другие авторы читают *и подрумье* с разночтени-
ем *и подрумие*,²³ а третьи *иподрумье* с разночтением *подрум-*
ѣе (ПСРЛ 1841: III, 27). Другое происхождение слова под-
роумни с выпадением начального н (ср. болг. *икона*, *икуна*,
куна; БЕР II: 62, 64; III: 133) менее убедительно, так как
куна восходит к народному греческому слову *χοῦνα*.

²² Фасмер I: 407, *гипподрум*; Фасмер привел еще *иподромие* в По-
вести временных лет, но существующие словари не подтверждают это
указание.

²³ НПЛ 1950: 47; в Комиссионном списке указано *и подрумие*, 242.

В переводе ХГА подроумни в большинстве случаев переводит греч. ἱππικόν, что говорит об употребительности этого слова в древнеболгарском языке. Об этом свидетельствуют и производные слова в переводе ХГА: подроумьскын, подроумьнын. Попутно отметим еще на + лок. при глаголе движения в (66) и въ + лок. в (67) при глаголе оземьствовати.

Вариант нподромни (и производное нподромьнын) известен из *Жития Андрея Юродивого*:

- (68) стоащю на позорниц на нподромни (подъроумьн В), подроумьн (вар. подрѹмѣ) Б) 3467-3468 – ἐν τῷ θεάτρῳ τοῦ ἱπποδρομίου ἐστῶσαν (Молдован 2000: 323, 550);
- (69) на нподромни ((нподрюмьн Б) подроумьн В) 5044 – ἐν τῷ ἱπποδρομίῳ (Молдован 2000: 400, 596);
- (70) подъ помостомъ нподромна (мостомъ Б, нподроумьн Б) 6123 – ἐν τῷ θεάτρῳ τοῦ ἱπποδρομίου (Молдован 2000: 448, 629);
- (71) на нподромнѣмъ помостѣ (подромнѣ Тр, нѹржвнѣ Тх, подроумьнѣмъ БВ) 1163 – ἐν τῷ τοῦ θεάτρῳ περιπάτῳ (Молдован 2000: 216, 483).

Примеры из *Жития Андрея Юродивого* лишний раз свидетельствуют о недостатках текстологии А. М. Молдована. По мнению последнего, списки групп Б и В являются соответственно второй и третьей редакциями древнего перевода *Жития*. Однако именно поздние “редакции” в случае дают в языковом отношении более древнее чтение: вариант с оу вместо о, причем в переводе скорее всего стояло слово подроумни, не исключен и вариант нподроумни (срв. (69) Б). Нельзя не отметить, что отдельные списки группы А (по Молдовану) дают искажающие чтения, говорящие о полном неведении переписчиков относительно данного слова: срв. список Тх в (71). О непонимании этого слова свидетельствует и чтение нподрюмьн в списках редакции Б в (69), в котором оу заменено на ю по аналогии с заменой ю и ж на оу

(срв. наличие ж в Тх в (71); такая взаимная мена оу и ю, как известно, характерна для древнерусских рукописей.

В Рязанской Кормчей 1284 г. фиксировано производное *иподромьскыи* (СДЯ 1988-1991: IV, 164-165). Это не означает, что вариант с о вместо оу появился на русской почве при переводе с греческого; срв. болг. более позднее заимствование из греческого *дром* 'путь, дорога' (БЕР 1971: I, 431). Это относится и к слову *параклимонъ* в позднем списке *Жития Василия Нового* (СлРЯ 14, 150). Правда, здесь возможно также простое опущение у при переписке.

В настоящем изложении в примерах из древнейшего славянского перевода ХГА мы, как правило, не касались древнерусских языковых особенностей, но из предложенного материала и так очевидно, что они по большей части относятся к графико-орфографическому уровню и вторичны по отношению к древнеболгарским языковым особенностям, выявленным в настоящем анализе. Как и следовало ожидать, установление локализации древних славянских переводов с греческого нуждается в комплексном подходе. Переводческая традиция в Киевской Руси существует лишь в воображении своих защитников, продолжающих спекуляции на эту тему.²⁴

Источники

- П РНБ, из Погодинского собрания, № 1432, XVI в.
ПБ РНБ, F.IV. 136, XVII в.
Сл РНБ, Соловецкой библиотеки, № 436 (83), XVI в.

²⁴ См. резюме докладов А. А. Пичхадзе и И. Н. Лебедевой на конференции "Переводная литература в Древней Руси", состоявшейся с 5 по 8 октября в 2005 г. в Пушкинском Доме в Санкт-Петербурге: Лобакова 2005: 233. Меньше всех И. Н. Лебедева может говорить о корректности других исследователей, потому что ее "издание" *Повести о Варлааме и Иоасафе* (Лебедева 1985) на долгие годы похоронило изданный текст для дальнейших научных, в частности лингвистических, исследований.

Сп	ЛОИИ, № 80, Супрасльський список, XVI в.
Ув	ГИМ, собрания графа Уварова, № 1305 (1966), 1456 г.
Ун	РГБ, собрания Ундольского, № 1289, XV в.
Ч	ГИМ, Московского Чудова монастыря, № 352, XVI в.
S	сумма всех списков

Литература

- БЕР Български етимологичен речник, I-VI. София 1971-2002.
- Бройер = Bräuer, H.: Zur Frage der altrussischen Übersetzungsliteratur (Der Wert syntaktischer Beobachtungen für die Bestimmung der altrussischen Übersetzungsliteratur). Heidelberg 1958.
- Вашица = Vašica, J.: Jazyková povaha Zakona sudného ľudem. B: Slavia 27, 1958, 4, 521-537.
- Геродес, Ст.: Старославянские предлоги. В: Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага 1963, 313-368.
- Горшкова, К., Г. А. Хабургаев: Историческая грамматика русского языка. Москва 1981.
- Грамматика = Граматика на старобългарския език. София 1991.
- Даль, В. И.: Словарь живого великорусского языка, I-IV. Москва 1978-1980.
- Добрев, И.: Старобългарска граматика. Теория на основите. София 1982.
- Джурова, А.: Томичов псалтир, I-II. София 1990.
- Дуриданов, И.: Към проблемата за развоја на българския език от синтетизъм към аналитизъм. В: Годишник на Софийския университет, Филологически факултет, т. 51 (1955) 1956, 3, 87-272 (3-188).
- Златанова, Р.: Исторически развој на българския език. В: Увод в изучаването на јужнославјанските езици. София 1986, 134-215.
- Иванов, В. В.: Историческая грамматика русского языка. Москва 1983.

- Иванова-Мирчева, Д., И. Харалампиев: История на българския език. Велико Търново 1999.
- Изборник 1073 = Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.), т. I, Изследване и текст. София 1991.
- Истрин, В. М.: Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. I. Текст. Петроград 1920; т. II, Исследование. Ленинград 1922; т. III, Греческо-славянский и славянско-греческий словари. Ленинград 1930.
- Лавров, П. А.: Георгий Амартол в издании В. М. Истрина. В: *Slavia*, IV, 1925-1926, 461-484, 657-683.
- Лебедева, И. Н.: Повесть о Варлааме и Иоасафе. Ленинград 1985.
- Лобакова, И. А.: Международная конференция "Переводная литература в Древней Руси". В: Русская литература 2005, № 2, 232-239.
- Ломтев, Т. П.: Очерки по историческому синтаксису русского языка. Москва 1956.
- Максимович 1998а = Максимович, К. А.: К проблеме происхождения древнейшего славянского перевода "Пандектов" Никона Черногорца. В: Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов, Краков 1998. Доклады российской делегации. Москва 1998, 398-412.
- Максимович 1998б = Максимович, К. А.: Пандекты Никона Черногорца в древнерусском переводе XII века (юридические тексты). Москва 1998.
- Максимович, К. А.: Текстологические и языковые критерии локализации древнеславянских переводов (в связи с новым изданием "Пандектов" Никона Черногорца). В: Русский язык в научном освещении 2001, 2, 191-224.
- Максимович, К. А.: "Пандекты" Никона Черногорца в болгарском переводе XIV века: рукописная традиция и проблемы издания. В: Преводите през XIV столетие на Балканите. София 2004, 329-358.

- Материалы II = IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. II. Москва 1962.
- Минчева, А.: Старобългарският език в светлината на балканистика. София 1987.
- Мирчев, К.: Историческа граматика на българския език, 3 изд. София 1978.
- Молдован, А. М.: Рукописная традиция древнерусского перевода "Жития Андрея Юродивого". В: Wiener Slavistischer Jahrbuch, 39, 1993, 83-107.
- Молдован 1994а = Молдован, А. М.: Критерии локализации древнеславянских переводов. В: Славяноведение 1994, № 2, 69-80.
- Молдован 1994б = Молдован, А. М.: Лексика древнеславянского перевода в региональном аспекте. Москва 1994.
- Молдован, А. М.: Из синтаксиса древнерусского перевода "Жития Андрея Юродивого". В: Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А. А. Зализняка. Москва 1996, 256-275.
- Молдован, А. М.: Лексический аспект в истории церковнославянского языка. В: Вопросы языкознания 1997, № 3, 63-75.
- Молдован, А. М.: Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. Москва 2000.
- Молдован, А. М.: Лексическая эволюция в церковнославянском. В: Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Любляна 2003. Доклады российской делегации. Москва 2003, 395-413.
- Муральт, Э. Г.: Греческий подлинник, подготовленный к изданию Georgii Monachi dicti Hamartoli Chronicon. В: Ученые записки Второго отделения Имперской Академии наук, кн. 6. Санкт-Петербург 1859.
- НПЛ = Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Москва-Ленинград 1950.
- НП = Норовская псалтирь. Среднеболгарская рукопись XIV века, I-II. София 1988.

- Одри, Ж.: Индоевропейский язык. В: Новое в зарубежной лингвистике, XXV. Москва 1988, 24-121.
- ОБ = Острожская Библия, Фототипическое издание Библии 1581 г., Москва-Ленинград.
- Павлова, Р.: Пространственные конструкции в древнерусском языке в сопоставлении с древнеболгарским. София 1977.
- Павлова, Р.: Петър Черноризец. Старобългарски писател от X век. Кирило-Методиевски студии, кн. 9. София 1994.
- Пентковская, Т. В.: Грецизмы и их славянские эквиваленты в южнославянских и восточнославянских переводах XI-XIV вв. В: Славянский мир между Римом и Константинополем. Москва 2004, 95-110.
- Пичхадзе, А. А.: Языковые особенности древнерусских переводов с греческого. В: Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков 1998. Доклады российской делегации. Москва 1998, 475-488.
- Пичхадзе, А. А.: О происхождении славянского перевода Хроники Георгия Амартола. В: Лингвистическое источниковедение и история русского языка. Москва 2002, 232-249.
- ПСРЛ I = Полное собрание русских летописей, т. I. Лаврентьевская летопись. Москва 1962.
- ПСРЛ III = Полное собрание русских летописей, том третий, IV. Новгородские летописи, Санкт-Петербург 1841.
- СДЯ = Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.), I-IV. Москва 1988-1991; V, Москва 2002; VI: *Азбуковник*. Москва 2000.
- СлРЯ = Словарь русского языка XI-XVII вв., Вып 1-26. Москва 1974-2002.
- Соболевский, А. И.: Особенности русских переводов домонгольского периода. В: Труды девятого Археологического Съезда в Вильне. 1893, II. Москва 1897, 53-61.
- Соболевский, А. И.: Особенности русских переводов домонгольского периода. В: Соболевский, А. И.: Матери-

- алы и исследования в области славянской филологии и археологии. СБОРЯС, т. 88, вып. 3. Санкт-Петербург 1910, 162-176.
- Соболевский, А. И.: Особенности русских переводов домонгольского периода. В: Соболевский, А. И.: История русского литературного языка, изд. подготовил А. А. Алексеев. Ленинград 1980, 134-147.
- Срезневский, И. И.: Материалы для словаря древнерусского языка. Санкт-Петербург, I-III, 1893-1912.
- Станков, Р.: Проблемы исследования древнеболгарских переводных текстов, сохранившихся в инославянской рукописной традиции (На материале восточнославянских списков Исторической Палеи). В: *Palaeobulgarica* XIII, 1989, № 4, 91-99.
- Станков 1994а = Станков, Р.: Лексика Исторической Палеи. Велико Търново 1994.
- Станков 1994б = Станков, Р.: Славянский перевод Хроники Георгия Амартола в издании В. М. Истрина. В: *Palaeobulgarica*, XVIII, 1994, № 1, 74-88.
- Станков 2002а = Станков, Р.: Время и место древнейших славянских переводов (На материале славянского перевода Жития Андрея Юродивого). София 2002.
- Станков 2002б = Станков, Р.: К проблеме древнейших славянских переводов с греческого. В: *Slavica Gandensia* 2002, 29, 177-205.
- Станков 2003а = Станков, Р.: Из наблюдений над лексикой древнейшего славянского перевода Хроники Георгия Амартола. В: *Slavia Orthodoxa*. Език и култура. Сборник в чест на Р. Павлова. София 2003, 380-389.
- Станков 2003б = Станков, Р.: Из наблюдений над языком древнейшего славянского перевода Хроники Георгия Амартола. В: *Славистиката в началото на XXI век. Традиции и очаквания*. София 2003, 273-279.

- Станков 2004а = Станков, Р.: К проблеме происхождения древнейшего славянского перевода Хроники Георгия Амартола. В: Преславска книжовна школа, т. 7. Изследвания в памет на проф. Ив. Гълъбов. София, Шумен 2004, 57-72.
- Станков 2004б = Станков, Р.: Лексический критерий и славянские переводы с греческого. В: Преводите през XIV столетие на Балканите. София 2004, 455-475.
- Станков 2004в = Станков, Р.: Из наблюденията върху лексиката на ранния славянски превод на Хрониката на Георги Амартол. В: Црквене студии 2004, 1, 197-203.
- Станков, Р.: Так называемое восточнославянское влияние на южнославянскую письменность в XII-XIV вв. и проблема древнейших славянских переводов с греческого. В: Преславска книжовна школа, т. 8. Шумен 2005, 304-327.
- СС = Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков), под ред. Э. Благовой, Р. Вечерки, Р. М. Цейтлин. Москва 1994.
- Стойков, Ст.: Българска диалектология, 3 изд. под ред. на М. Младенов. София 1993.
- Супр. = Супрасълски или Ретков сборник. Изд. Й. Заимов, М. Капалдо, I-II. София 1982-1983.
- Томсон = Thomson, F.: The Reception of Christian Byzantine Culture in Russia in the Tenth to Thirteenth Centuries and its Implications for Russian Culture. In: Slavica Gandensia 1978, 5, 107-139.
- Томсон 1983 = Thomson, F.: Quotations of Patristic and Byzantine Works by Early Russian Authors as an Indication of the Cultural Level of Kievan Russia. In: Slavica Gandensia 1983, 10, 65-102.
- Томсон 1988 = Thomson, F.: The Implications of the Absence of Quotations of Untranslated Greek Works in Original Early Russian Literature, Together with a Critique of a Dis-

- torted Picture of Early Bulgarian Culture. In: *Slavica Gandensia* 1988, 15, 63-91.
- Томсон 1988/1989 = Thomson, F.: The Bulgarian Contribution to the Reception of Byzantine Culture in Kievan Rus': Myths and the Enigma. In: *Harvard Ukrainian Studies*, vol. XII/XIII, 1988/1989, 214-261.
- Томсон 1993б = Thomson, F.: The Corpus of Slavonic Translations Available in Muscovy. The Cause of Old Russia's Intellectual Silence and a Contributory Factor to Muscovite Cultural Autarky. In: *Christianity and the Eastern Slavs I: Slavic Culture in the Middle Ages*, ed. B. Gasparov and O. Raevsky-Hughes (*California Slavic Studies* 16). Berkeley, CA 1993, 179-214.
- Томсон 1995 = Thomson, F.: The Distorted Mediaeval Russian Reception of Classical Antiquity: The Causes and the Consequences. In: *Mediaeval Antiquity*, ed. A. Welkenhausen, H. Braet and W. Verbeke (*Mediaevalia Lovaniensia*, ser. 1, studia 24). Leuven 1995, 303-364.
- Томсон 1999 = Thomson, F.: The Reception of Byzantine Culture in Mediaeval Russia. Brookfield 1999 (*Variorum Collected Studies Series*).
- Топоров, В. Н.: Локатив в славянских языках. Москва 1961.
- Фасмер, М.: Этимологический словарь русского языка, I-IV. Москва 1986- 1987.
- Харалампиев, И.: Историческа граматика на българския език. Велико Търново 2001.
- Ходова, К. И.: Падежи с предлогами в старославянском языке (Опыт семантической системы). Москва 1971.
- Якубинский, Л. П.: История древнерусского языка. Москва 1953.